

out *of the* game

SOME LINES AREN'T
MEANT TO BE CROSSED

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

EUNAE

Vi Nort

За пределами игры

<https://litres.ru/74111496>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждый, кто следил за студенческим хоккеем, знал "Miss L" - анонимный аккаунт, годами высмеивающий хоккейную команду Бостона и безжалостно публикующий всё, что другие предпочли бы скрыть. Никто не знал, кто скрывается за этими постами. Именно так Мэдисон Блэйк планировала оставить всё. Но новый сезон приносит слишком много проблем.

Для капитана команды - Натаниэля Райдера - последний год должен был стать шагом навстречу к НХЛ. Но вместо этого его ждут конфликты внутри команды, старые семейные тайны и девушка, которая задаёт слишком много неудобных вопросов.

Иногда одна ошибка может изменить всю жизнь. Особенно если свернуть не туда.

Содержание

Пролог. Точка невозврата	5
****	13
Глава 1. Перед падением	21
Глава 2. Да или нет?	36
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Vi Nort

За пределами игры

Пролог. Точка невозврата

TWITTER:

«@Miss L»

«Вечером состоится финал турнира „Замороженная четвёрка“, в котором сразятся команды: Чарлстаун и Бостон. Первая команда провела отличный сезон, а вторая, как обычно, запрыгнула в последний вагон. Сегодня решится, кто возьмёт кубок, а кто отправится домой, горько вытирая слёзы. Финал будет проходить на домашней арене команды НХЛ „Бостон Брюинз“. Вы, наверное, ожидаете, что я сейчас начну подводить статистику, но нет, я хочу поговорить про Бостон и о том, как завершилась прошлая игра. Конечный счет был 4:3, последняя шайба была заброшена в овертайме, в который кое-как попал Бостон. Бостон после первого периода вёл 3:0, и как же эта великая и высокомерная команда смогла упустить такое преимущество за 20 минут?»

Бостон вышел на лёд без энтузиазма, наверное, в этот раз капитан Райдер не произносил пламенную речь, в которой мог бы завести команду, чтобы игроки не бегали с высунутыми языками в надежде отобрать шайбу, пока он стоял на коньках без дела и отдыхал. Забрасывать шайбы он умеет только с одного места, и только в пустые ворота. Райдера нельзя назвать ни бомбардиром, ни плеймейкером, ни капитаном, тогда какая у него роль? Никчемная, именно. В фигурном катании он бы явно преуспел... Его ассистент Бронте, как обычно, совершал грязные силовые приёмы с особой страстью, калеча остальных игроков. В защите он отрабатывает не в состоянии, как и играть на синей линии в большинстве, поэтому единственное, что ему остаётся — это сбросить перчатки, чтобы подраться. Отличный защитник! Вторая линия нападения не может совершить ни одной атаки во главе с Расселом. Бостону следует найти центральных нападающих, потому что смотреть на них — тот ещё аттракцион. Остальные пары защитников никак не помогают своему вратарю, надеясь, что Макстен сможет их выручить. К слову, голкиперу следует проверить зрение и реакцию, потому что он не может прижать шайбу, лежащую прямо под ним.

Не знаю, как им удалось одержать победу с такой ужасной игрой в защите и нападении. Сегодня Чарлстаун не будет делать такие подарки, поэтому ожидаем красивого разгрома над Бостоном и победу в кубке!»

— Вот сука... Мы выиграли, провели хорошую игру в первом и третьем периоде, но *этой* опять что-то не нравится, — Бронте этими словами завершает очередное чтение поста, которое было опубликовано несколько часов назад. — Мне интересно, она вообще разбирается в хоккее, или она выучила пару терминов и считает себя лучшим аналитиком?

Это была традиционная рутина команды Бостон, которую они совершали перед каждой игрой. Анонимный и скрывающийся пользователь никогда не упускал возможности по сильнее уколоть их — в противовес восхваляя свою любимую команду. Только «мисс Эл» не учитывала одну вещь... Чем больше она их опускала — тем сильнее они злились, разрывая противников на ледовой арене.

— Я думаю, что она наша тайная фанатка, потому что она так не расписывает подробно игры про своих любимых «Таунов», — усмехается Арон Рассел, наматывая изоленту на кончик клюшки. — Может быть кинем объявление, что мы ищем нормальных центровых нападающих? Надо пожалеть девочку, ей смотреть тяжело.

— Ещё пункт добавим о том, что нам нужен новый капитан, — зашнуровывая коньки, говорит Райдер, поднимая взгляд на товарищей. — Потому что я бросаю вас и ухожу в фигурное катание делать тулупы, я вас плохо завожу — так не годится.

— Определённо, — соглашается Бронте, подмигивая луч-

шему другу. — Старайся лучше, и я сейчас не про пламенные речи.

— Кас, тебя завести — дело пяти минут, не выдумывай.

По раздевалке проходит волна смешков, их дружной атмосфере может позавидовать любая команда.

Они были не просто товарищами на льду, они были друзьями — в какой-то степени даже братьями. Многие из них знакомы с детства, другие знакомились в начале учебы, а третьи переводились из других университетов. Неважно сколько времени они играли вместе, их команда была настоящей сплочённой группой, которая защищала друг друга и поддерживала.

Парни активно готовились и настраивались на решающую игру, сейчас же они все были сфокусированы и перекидывались мелкими фразами, дабы разрядить обстановку. Каждый был погружен в свои мысли. Натаниэль Райдер, капитан команды, молчаливо исследовал затяжку коньков, лицо его было сосредоточенным и серьезным. Его движения — быстрые, точные, почти механические — говорили о накопившемся напряжении, которое он держал под контролем.

Его лучший друг — Кастиэль Бронте под номером 88 — сидел возле него на скамейке. Крепкий защитник систематично проверял свою экипировку, с осторожностью обращаясь с каждым элементом. Лицо было спокойным, но в его глазах горел неугасимый огонь конкуренции, потому что он был уверен, что на льду его предвещала битва с главными

противниками в защите.

— Нервничаешь? — спрашивает Кастиэль, взглянув на своего товарища косым взглядом.

— А ты как думаешь? — усмехается Райдер, откидываясь на стену позади себя. — Я не успокоюсь, пока мы не шагнём на лёд и не услышим гимн. Рэйф сегодня будет тебя провоцировать, пожалуйста, не ведись, — капитан аккуратно дает совет парню, чтобы тот держал свои эмоции под контролем.

К слову, у Кастиэля явные проблемы с контролем.

— Если этот головорез сбросит перчатки, то я не собираюсь сдерживаться. У нас с ним давняя война, и я буду его провоцировать, чтобы он допускал ошибки. Хоть он и придурок, но, сука, защитник первоклассный, прямо, как и я! — с гордо поднятой головой завершает Бронте. — Сегодня будет жарко...

— Да, — заключает Райдер, вставая на коньки, на лезвие которых была надета защита. — И жарить будем мы, а не нас.

— Парни! — тренер Майклсон, словно вихрь, врывается в комнату, выводя всех остальных из малейшего транса. — Через 5 минут выходим на раскатку.

Атмосфера в раздевалке нагревается до предела. Игроки обмениваются взглядами и короткими утешительными улыбками, уважая личные переживания друг друга.

Все они понимали, что на кону стоят не только медали и трофеи, но и то, чем они гордились — дух команды, который объединял их воедино. Каждый из них знал: как бы не

сложилась игра, они готовы сражаться бок о бок, не покидая поле до последнего свистка.

Игроки знали: сегодня им предстоит написать новую страницу этой истории.

Все старания, неудачи, пот и кровь, вложенные в каждую тренировку, сливались в одну цель. Финал турнира на пороге, и все были готовы отдать всё, чтобы отстоять честь своей команды и поднять кубок над головой.

Разминка была похожа на заготовленный спектакль между двумя командами. Они вели себя, как львы, которые вечно метили свою территорию, проезжая вдоль синей линии, немного выезжая за неё, прямо в логово своего соперника. Всех это раздражало и подпитывало.

Кастияэль не сводил взгляда со своего главного врага под номером 17 — Рэйфа Рэнделла, который делал тоже самое по отношению к нему.

— Бронте, выбери: первый или второй? — восклицает Рэйф, подъехав к краю отметки.

— Я вынесу тебя с первого удара, если ты об этом, — подмигивает Кас, останавливаясь прямо напротив соперника, поднимая волну возгласов с трибун. Их драку ждали все.

— Смешно, — сохраняя максимальную уверенность, отвечает Рэнделл. — После первого вбрасывания или позже?

— Давай оставим сладкое на потом.

— Договорились, по ходу игры решим.

Странно, да? Почему соперники так спокойно разговари-

вают друг с другом перед игрой и выбирают лучшее время для драки? Тафгаи любой команды всегда договариваются о бое, кроме тех случаев, когда накал страстей становится слишком очевидным и адреналин затмевает глаза, а перчатки летят со скоростью звука. Но у этих двух защитников, в их собственной серии драк, свой счёт 1:1, поэтому в финале им нужно поставить точку.

На поле также в гляделки играли два других игрока, которые носили один и тот же номер — 91. Натаниэль Райдер и Доминик Хашманд — капитаны двух противоположных команд — постоянно встречались на выбрасываниях шайбы, так как являлись центровыми нападающими. Два лучших игрока в студенческой лиге, и оба уже задрафтованы командами НХЛ. Райдер был выбран под общим первым номером, а вот Доминик пятым.

— Райдер, хотел сказать, что та третья шайба в полуфинале была заброшена в ваши ворота по твоей вине, — без комментариев перед игрой не мог обойтись никто. — Не понимаю, как вы победили с такой игрой.

— Может быть стоило досмотреть игру до конца? — склонив голову и устало приподняв глаза, отвечает парень. — Потому что именно я забросил решающую шайбу в овертайме. Оставь свои комментарии при себе и побереги силы для финала.

— Учти, вам сегодня никто таких подарков делать не будет.

— Жаль, а я хотел, чтобы ты отправил мне цветочки в честь нашей победы, — приподнимая уголки губ, завершает диалог Нат, отправляясь обратно в раздевалку, ловя в спину раздраженные комментарии. — Учти тоже, я люблю красные!

Этот момент настал. Трибуны были заполнены, арена «TD Garden» гудела, встречая обе команды, которые выходили на лёд. Атмосферу, царившую вокруг, мог почувствовать даже тот, кому хоккей не интересен — здесь сегодня будет твориться история.

Хоккеисты занимают позиции на центральном круге, и арена постепенно тонет в громких возгласах. Райдер и Доминик выходят к вбрасыванию, и в момент, когда они занимают свои позиции, их взгляды сталкиваются. У обоих в глазах сверкают огоньки, они заведены до предела. Судья опускает взгляд на круглый предмет в руке, время на долю секунды перестаёт существовать, оставляя только ожидание первого падения шайбы.

Именно с этого момента начинается настоящая игра.

— На разминке ты был медленным, — говорит Доминик, чуть наклоняя голову. Он пытается пролезть под самую кожу и вывести противника из себя. — Нервничаешь?

— Даю тебе фору, — спокойно отвечает Райдер, даже не меняя хват клюшки.

Шайба падает резко, в этот же момент Натаниэль смещается вперёд и коротким, жёстким движением плеча врезается в Хашманда, выбивая его из идеальной стойки. Контакт выходит чистым, почти демонстративным. Клюшки сталки-

ваются, коньки режут лёд, и Райдер цепляет шайбу на себя, уводя её в сторону Бронте. Доминик запаздывает на долю секунды, и этого хватает, чтобы вбрасывание осталось за Бостоном.

Начало положено.

С первой смены игра превращается в постоянную борьбу, где шайба становится поводом для столкновения. Игроки обеих команд не дают друг другу ни секунды на принятие решения, врезаюсь плечо в плечо, прижимая к бортам и выдавливая из зон без малейшего намёка на аккуратность. Пасов почти нет в чистом виде, каждый из них приходится выцарапывать через давление, а любое владение живёт считанные секунды, прежде чем его снова забирают силой.

Чарлстаун ловит момент после ошибки в обороне Бостона, когда защитник Даррен Льюис слишком поздно читает выход из зоны и оставляет центр открытым. Пасс идёт резко, и атака мгновенно превращается в выход «два в одного», где у Кастиэля уже нет времени на перестройку. Райдер и Андерсон пытаются вернуться в эпизод, но поздно. Передача проходит без сопротивления, и бросок с ходу оставляет вратаря Макстена без шанса сместиться вовремя. Шайба влетает в сетку, и трибуны Чарлстауна взрываются празднованием.

Счет открывает Чарлстаун: 0-1

Они ещё не успевают до конца зафиксировать своё преимущество, как игра снова ломается. Высоко поднятая клюшка с их стороны попадает в лицо сопернику, и судья без колебаний поднимает руку, отправляя игрока Чарлстауна на скамейку штрафников на 2 минуты. Арена мгновенно реагирует гулом, а Бостон уже перестраивается под большинство.

На лёд выходят: Райдер, Дэвис, Харрис, Рассел и Бронте. Вся пятёрка движется собранно, выстраивая позиционную атаку. Бронте держит шайбу на синей линии, выдерживает паузу и точно отдаёт на край, где Райдер находит момент для броска. Удар получается резким и чистым, и шайба влетает в ворота, сравнивая счёт под рев бостонских трибун.

1-1

— Что за гол! — восклицает Кастиэль, наваливаясь на своего лучшего друга.

— Отличный пас, Кас! — они стучаются лбами друг с другом, пытаясь перевести дыхание.

— Я не только круто играю, но и даже рифмуюсь отлично.

На скамейке Чарлстауна воздух становится тяжелее, чем на льду. Шум трибун будто отодвигается куда-то далеко,

оставляя внутри только злость и короткое, сбившееся дыхание. Рэйф Рэнделл не отрывает взгляда от площадки, где Бостон празднует сравнявший счёт гол, и его челюсть заметно сжимается. Райдер выглядит слишком спокойным, а ведь он только что вернул игру в ноль.

— Я убью его, — сквозь зубы проговаривает парень.

Доминик не смотрит на него сразу, только поправляет перчатку и коротко переводит взгляд на лёд.

— Займись лучше Бронте.

Первый период заканчивается, и команды отправляются в раздевалки, чтобы отдохнуть и обсудить дальнейшие действия.

Второй период стартует сразу с нового уровня жесткости. Площадка заполняется силовыми приёмами, прижатыми к бортам атаками. Всё взрывается, когда Рэйф и Кас пересекаются в зоне у борта после очередного столкновения. Сначала это короткие толчки, затем клюшки и перчатки уходят в сторону почти одновременно, оставляя за собой лишь чувство злобы. Рэнделл первым срывается с места, Бронте отвечает мгновенно, и их драка превращается в равный бой. Судьи влетают в эпизод с опозданием, разнимая их уже после нескольких плотных ударов по лицу и телу, и оба получают удаления под рёв трибун и недовольные крики со скамеек.

— Мы еще не закончили, Рэйф! — перекрикиваются парни, сидя в штрафных боксах.

— Скажешь, когда я должен испугаться? — усмехается

Рэнделл, снимая с себя шлем, проводя рукой по короткой стрижке.

После удаления игра переходит в формат четыре на четыре, и пространство на льду резко расширяется, но свободы от этого не прибавляется. Наоборот, каждый момент теперь выглядит опаснее, потому что любая ошибка превращается в чистый выход из зоны. Команды обмениваются атаками, но ни одна не может реализовать момент до гола: вратари держат линию, защитники успевают возвращаться.

Под конец периода всё по новой обостряется. Сначала Чарлстаун находит свой момент после быстрой комбинации и пробивает, а спустя несколько смен Бостон отвечает точным броском после позиционной атаки, где шайба проходит через несколько клюшек и оказывается в воротах почти случайно.

2-2

Сирена звучит на равном счёте, и команды уходят в раздевалки.

Третий период начинается иначе. Команды играют жёстко, но заметно аккуратнее: каждый вход в зону теперь просчитывается, пас проверяется взглядом быстрее, чем клюшкой. Никто не рискует без необходимости, потому что любая потеря шайбы превращается в шанс для соперника решить финал одним движением.

За последнюю минуту тренер Бостона — мистер Майклсон — резко меняет первую линию нападения и выпускает на лёд Арона Рассела, Натаниэля Райдера и Джоша Андерсона. Смена проходит быстро, без лишних слов, и сразу после вбрасывания начинается движение, в котором чувствуется последняя попытка перевернуть игру. Рассел забирает шайбу в средней зоне, Андерсон уводит защитника в сторону, открывая пространство, и Райдер получает передачу в нужный момент. Бросок выходит точным, шайба пролетает мимо вратаря и влетает в ворота за считанные секунды до финальной сирены.

Трибуны Бостона взрываются: игроки бросаются со своих мест, клюшки и перчатки летят в воздух, лёд превращается в хаотичное побоище, где уже невозможно разобрать отдельные фигуры. Райдер оказывается в самом центре, и через несколько секунд над ним поднимается кубок.

— Мы сделали это! — кричат парни в один голос, обнимаясь друг с другом.

По другую сторону льда Чарлстаун стоит неподвижно. Ни криков, ни лишних жестов — только тяжёлое дыхание и опущенные головы. Один за другим они разворачиваются и уходят, не оглядываясь, пока за их спинами Бостон продолжает праздновать победу, которая вследствие перевернет их оставшуюся жизнь.

— Что ж, мужчины... Это была хорошая игра, — финальную речь трактует тренер Чарлстауна. — Мне нев чем вас

упрекнуть, вы бились достойно. В финале обязательно будет тот, кто выиграет, и тот, кто проиграет, к сожалению, сегодня это мы, — пауза затягивается, и единственное, что доходит до барабанных перепонки — это громкое, сбившиеся дыхание. — Победа была единственным способом сохранить нашу команду.

— Что вы имеете в виду? — Хашманд поднимает голову.

— Финансирование колледжа на следующий сезон будет сильно ограничено. Было принято решение: если команда не выигрывает кубок — её расформируют, — он обводит взглядом игроков, не задерживаясь ни на одном слишком долго. — Денег на нас больше не будет. Мы... разорены. Мне жаль, что так вышло. Надеюсь, с вами свяжутся другие команды, и вы не бросите это дело.

Тренер выходит из раздевалки так же тихо, как и вошёл, оставляя за собой дверь, которая закрывается с глухим щелчком. И вместе с этим звуком будто обрывается что-то внутри хоккеистов. Сначала никто не говорит ничего. Вообще. Воздух становится тяжёлым, вязким, как после удара, который никто не ожидал.

Кто-то медленно опускается на скамейку, кто-то просто смотрит в пол, не моргая. Доминик остаётся стоять. Ему только что сказали, что всё, к чему они шли, может закончиться не из-за поражения на льду, а где-то за его пределами.

И самое неприятное — никто пока не понимает, что с этим делать.

— Ахуенные новости, друзья! — решает прервать тишину Рэйф с лёгким задором в голосе, заворачивая голову влажным полотенцем. — Чтоб они все провалились.

И не поспоришь...

Глава 1. Перед падением

Мэдисон

— Я повторяю в последний раз — нет!

Мой голос звучит громче, чем я рассчитывала, и мне приходится резко оглядеться по сторонам, чтобы убедиться, что наш разговор остаётся приватным. Коридор пустеет, но ощущение чужих взглядов всё равно не отпускает, будто стены здесь умеют подслушивать не хуже людей. Кажется, этот диалог растянулся на целую вечность, хотя прошло всего несколько минут.

— Да почему ты такая упёртая и не можешь помочь своей подруге?!

— Потому что брать интервью у капитана Бостона — это кощунство с моей стороны! — слова выходят резче, но я не пытаюсь их смягчить. — Мой парень проиграл в финале. Проиграл им. И сейчас он там, один, переживает это, а я должна пойти и мило улыбаться их капитану? Серьёзно?

Картинка с игры всплывает сама собой: табло, финальная сирена, лица игроков Чарлстауна. Доминик, который смотрит

рит на противников, радостно поднимающих кубок, а ведь он заслуживал этого гораздо больше.

Я сглатываю, сжимая челюсть.

— Мне нужно быть с ним, — уже тише добавляю я. — А не любезничать с этим высокомерным кретином.

— Твой парень – мудака, который не отвечает на твои звонки и игнорирует тебя продолжительное время, хотя игра давно закончилась, — Тессера скрещивает руки на груди, явно довольная тем, как легко она нажала на нужную точку.

Пальцы сжимаются сильнее, ногти почти впиваются в кожу, и на секунду мне хочется швырнуть телефон об стену — просто чтобы хоть как-то выплеснуть, нарастающее чувство злости. Финальная сирена прозвучала больше часа назад. Я не сразу начала доставать Доминика — дала время, пыталась написать нормально, без давления. Сообщения остались без ответа. Звонки тоже.

Хуже всего в сложившейся ситуации — это грёбанное молчание.

— Во-первых, он расстроен, — слова даются тяжелее, чем я ожидала, и я на секунду отвожу взгляд, собираясь с мыслями. — Во-вторых, ещё одно слово в сторону Доминика, и я перестану с тобой разговаривать.

— Прости, — девушка, стоящая передо мной, немного успокаивается, выдыхая воздух полной грудью. — Послушай, мне необходимо срочно уехать, я расскажу тебе обо всём позже, но сейчас мне правда нужна твоя помощь.

— Попроси кого-то другого, в чём проблема?

— Написание заключительной статьи про наш колледж — моё финальное задание по журналистике, и я могу доверять только тебе разговор с капитаном.

Мы с Тессерой Хейл знакомы всего год. Я перевелась в Бостон в начале третьего курса, и она оказалась моей соседкой по общежитию. Наше общение не вспыхнуло сразу: оно собиралось медленно, осторожно. Но в какой-то момент всё резко сдвинулось, когда нас накрыло общими проблемами и недосыпом. Стало проще держаться вместе, чем по отдельности.

Тесс отвечала за медиа-направление студенческого спортивного клуба Бостона и за всё, что связано с Бостонскими Ястребами: соцсети, освещение матчей, пресс-релизы и ту самую картинку, которую потом видят все снаружи. По сути, она превращала их будни в красивую историю, а её потом цитировали в новостях и обсуждали в университетских чатах.

Внешне Тессера выглядела также уверенно, как и чувствовала себя. Среднего роста, с пышными кудрявыми волосами, которые жили своей отдельной жизнью. Голубые глаза — внимательные, глубокие, которыми она буквально гипнотизировала, а их выразительность подчеркивали длинные ресницы. На лице рассыпанные веснушки, мягкие, почти случайные, пухлые губы, чаще всего с нейтральной улыбкой, подведенные коричневым карандашом, округлое лицо

и слегка вздёрнутый нос.

— Пожалуйста, — умоляюще просит Хейл. — Я всё уже подготовила, тебе нужно будет задать вопросы по списку и записать это всё на диктофон. Райдера я предупредила, и он будет ждать в коридоре, это займет у тебя максимум 10 минут.

— Если он начнет вести себя, как придурок, то я уйду.

— Он начнет, и ты не уйдешь.

Замечательно!

Девушка протягивает мне список тех вопросов, что она подготовила. Беру его чуть резче, пробегаясь глазами по строкам. Всё выглядит слишком... нейтрально. Никакой индивидуальности.

— Серьёзно? – вопросительно поднимаю брови. — «Как ты оцениваешь игру команды?» Ты издеваешься?

— Это называется «профессиональный подход», — спокойно парирует Тессера. — Попробуй, тебе пойдёт.

— Я лучше добавлю пару нормальных вопросов, чтобы это не звучало как интервью для школьной газеты.

— Только не перегни, — она сразу напрягается. — Мне не нужен скандал.

— Тогда тебе не стоило доверять мне такое важное дело.

— Райдер — милашка. Я понимаю, что ты недолюбливаешь его, потому что он главный конкурент твоего Доминика, но будь с ним более приветливой.

— Я отношусь к нему совершенно нейтрально. Он есть —

хорошо, нет — ещё лучше.

— Вот и отлично, мне нужно бежать, я позвоню тебе позже! — Хейл подходит ближе, мы обнимаемся, и подруга целует меня в щёку. — Люблю тебя.

— Иди уже.

Эта идея всё ещё мне не нравится. С профессиональной точки зрения — это отличная возможность взять интервью у капитана команды, которая только что одержала победу. С моральной — сущий ад. Подобным родом деятельности я занималась, когда училась два года в Чарлстауне и вела социальные сети с другими игроками. Сейчас я обучаюсь в Бостонском колледже, и мне здесь искренне нравится. Журналистику преподают на голову выше, чем в прошлом заведении, но что касается хоккея — я всегда ощущаю, что нахожусь на вражеской территории. Ненавижу это чувство.

Собираюсь с мыслями и иду по узкому коридору, а с каждым шагом восторженные возгласы всё сильнее проникают в барабанные перепонки — это давит. В очередной раз проверяю телефон, но там ни одного уведомления. Мне даже представить сложно, что сейчас чувствует Доминик. Новость о том, что их команду хотят убрать, просочилась в интернет молниеносно. Так хочется поскорее его поддержать, хотя в глубине души понимаю, что это ему вряд ли поможет. Но я ведь *хорошая* девушка и должна быть рядом в трудную минуту, верно?

— Да, я видел повтор того момента, — доносится басы-

стый голос до меня, и я замедляюсь, почти инстинктивно. — Согласен, что это был не лучший гол, они нас конкретно давили во втором периоде, — подходя немного ближе, замечаю Райдера, который разговаривает с кем-то по телефону.

Я невольно хмурюсь, останавливаясь на расстоянии пары шагов. Он признает, что они играли не лучшим образом?

Райдер стоит в нескольких метрах от меня, повернувшись спиной, одной рукой упираясь в стену, а второй прижимает смартфон к уху. Голос у него ниже, чем на льду. Спокойный.

— Пап, я знаю, — теперь мне становится ясно с кем он разговаривает. — Немного просели, потом мы с тренером в раздевалке подняли дух ребят. Могу отдать должное нашим сегодняшним соперникам — они заставили нас выложиться на все сто процентов. Это была одна из лучших игр по эмоциям, — он говорит это так спокойно — без малейшего пафоса в голосе.

Не могу с ним не согласиться, здесь он определенно прав, и мне это ещё больше не импонирует.

— Да, экзамены уже позади, скоро приеду домой, — не понимаю, почему я продолжаю за ним наблюдать, пока он разговаривает с отцом, но мне правда любопытно послушать его мнение об игре.

Интересно, мне он скажет тоже самое, или наоборот будет нахваливать своих товарищей?

— До встречи.

Парень сбрасывает трубку, коротко выдыхает и убирает

телефон в объемный карман шорт. Он уже переоделся и сменил привычную хоккейную форму на базовые спортивные вещи с эмблемой колледжа, где на правой стороне футболки красуется ястреб.

Я решаюсь шагнуть вперед, и в ту же секунду Райдер замечает меня, слегка прищуривая глаза, будто пытается понять, кто перед ним вообще стоит. Его взгляд скользит по мне неторопливо, почти оценивающе: сначала задерживается на лице, словно проверяя, не знакома ли я ему, а затем опускается ниже — прямо на бейджик, висящий на моей шее. Белый пластик с надписью прессы команды Бостона становится для него куда более понятным объяснением моего появления, чем я сама. Его мне вручила Тесс перед своим исчезновением.

Невольно отвечаю тем же, позволяя себе рассмотреть его внимательнее.

Он выглядит через чур собранным, а он пару часов назад выиграл кубок. Тёмные волосы, ещё влажные, небрежно падают на лоб, выдавая, что он только что вышел из душа и даже не пытался привести себя в порядок. Чёткие черты лица притягивают взгляд: прямой нос, острые скулы, линия челюсти становится заметнее, когда он слегка сжимает зубы. Губы пухлые, с чётким контуром, на котором взгляд задерживается дольше, чем хотелось бы. Глаза зелёные, глубокие, с тёмным, почти изумрудным оттенком, напоминающим густой лес.

— Ты новенькая? — первый прерывает наши гляделки Натаниэль.

Его голос звучит ровно, но взгляд остаётся цепким, будто он пытается меня считать.

— Ты видишь меня здесь первый и последний раз, Тесс попросила подменить, поэтому давай быстро с этим покончим, — с пренебрежением в голосе бросаю ему ответ, сжимая пальцами лист бумаги сильнее, чем нужно.

— Ладно, что тебя интересует? — он разворачивается ко мне полностью, убирая руки в карманы шорт, занимая расслабленную позу.

Слишком уверенную.

Меня это лишь сильнее подпитывает внутри.

— Как ты оцениваешь игру команды? — на автомате выбрасываю первый вопрос из списка, который даже не хотела озвучивать.

Чёрт. Мне хочется ударить себя по голове.

— Достаточно ровная игра. Обе команды выложились на максимум: хорошая динамика, много выигранных единоборств у бортов, высокий процент выигранного вбрасывания. В целом, по структуре матча мне всё понравилось. Упрекнуть свою команду мне не в чем.

Конечно, он отвечает выученный текст, который он проговаривает неоднократно всем тем, у кого нет ни малейшего желания копнуть немного дальше и вывести игрока на чистую воду.

— Ты бы мог упрекнуть в чём-то команду соперника?

— Я не их капитан и уж тем более не их тренер, чтобы давать комментарии по их игре. Мы выполняли установки своего тренера, об их тактических решениях я ничего не знаю, — Райдер по-прежнему транслирует непоколебимое спокойствие, но взор становится внимательнее.

— В формате пять на пять вы выглядели менее уверенно. Было ощущение, что соперник вас переигрывает. Первая шайба — большинство, вторая — отскок. Это больше про удачу или про тактику?

Райдер на секунду замирает, а затем медленно и мучительно скользит глазами по моей фигуре.

— Уверена, что этот вопрос есть в твоём списке? — он переправляет взгляд на мои ладони, в которых был белый листочек. Я его даже не развернула.

— Ты уходишь от ответа?

Его губы чуть дёргаются, он сдерживает улыбку. Честно говоря — это раздражает, и я бы предпочла сейчас грубоватый отклик от него, чем такую реакцию.

— Ни в коем случае, — парень усмехается, скрещивая руки на груди. Данный вопрос не ставит его в тупик, а наоборот забавляет. — Во-первых, игра в неравных составах — это часть хоккея, к слову, абсолютно нормальная. Одна команда ошибается, другая её наказывает. Всё очень просто, — Райдер пожимает плечами, говоря об очевидных вещах по его мнению. — Отвечая на твою вторую претензию, то я

не считаю, что это была случайная шайба. Мы долго находились в их зоне, постоянно бросали, создавая давление на вратаря. И тот гол пришёл с добивания, будь внимательней. Случайностью здесь не пахнет.

Мне бы очень хотелось ему сказать, что в разговоре со своим отцом он всё-таки имел другое мнение, но прикусываю язык, лишая себя возможности нахвататься новых проблем.

— Да, только вы чуть не отдали матч.

Натаниэль не отвечает сразу. Его взгляд цепляется за мой, и на мгновение всё вокруг будто уходит на второй план. Я даже не знаю, что лучше — продолжать эту глупую игру в гляделки или самой подтолкнуть его к ответу.

— Но не отдали, — коротко отвечает парень, приподнимая уголки губ, ставя в нашем споре точку.

— Были близки.

— А ты всегда смотришь только на провалы?

Райдер слегка наклоняет голову, и в его голосе читается интерес.

— Некоторые победы выглядят случайными.

— Некоторые мнения тоже, — ответный удар в мою сторону прилетает мгновенно и звучит с той же интонацией, какую транслировала я ранее.

— То есть, ты считаешь, что вы были сильнее своего соперника по всем показателям?

— Я этого не говорил, — он облачивается головой о

стену, и в этом жесте появляется лёгкая усталость. — Это финал, здесь не бывает слабых команд. Это игра двух сильных соперников, которые прошли весь сезон, а затем попали в кубок. К сожалению, одна выигрывает, а другая проигрывает. В следующем году победить могут они, а мы вообще можем провалить сезон.

— Сомневаюсь. Их команда, скорее всего, больше не будет играть в следующем сезоне из-за сегодняшнего поражения, — я произношу это с мало уловимой грустью в голосе, и это единственное, что меня выдает — снаружи продолжаю держаться уверенно.

— Это моя проблема? Или я должен чувствовать вину за то, что мы выиграли? — Райдер показывает свою первую эмоцию за весь наш разговор, он раздражен, и это показывает не только его голос, но и внешняя оболочка. Парень выпрямляет плечи, становясь ещё выше и шире. — Это паршиво, но никто об этом не знал, а если бы даже обе команды были поставлены в известность, то мы бы не поддались им, но они могли бы сыграть с большим энтузиазмом. Слишком много «бы», не находишь?

Честно говоря, в этот момент воздух становится тяжелее, а вокруг нас летает напряжение.

— Думаю, мы закончили, — это единственное правильное решение, потому что ещё немного, и мы вцепимся в друг друга, как хищники.

— Как тебя зовут? — меня удивляет его вопрос, отчего я

возвращаю своё внимание и приковываю к нему.

— Я же сказала, что ты видишь меня в первый и последний раз, поэтому не старайся.

— Ты учишься в Бостоне?

— Да.

— Я тебя никогда не видел.

— Иногда люди не пересекаются, даже если находятся в одной маленькой комнате. Не судьба, так вроде говорят?

Ответа я не дожидаясь, разворачиваюсь на носках и ухожу прочь, затылком чувствуя его взгляд на себе. Довольна ли я данным разговором? Не сказала бы, могло быть лучше, и я могла вытянуть из него больше информации и эмоций, но мне необходимо сохранять нейтралитет. Всё-таки я хочу продолжать здесь учиться.

Но его ответы, честно сказать, мне понравились, он не отвечал правильно, скорее, как чувствовал, но не переходил грань и не говорил то, что может потом обернуться против него. Есть ощущение, что у него есть хороший опыт, либо пример для подражания, потому что держался он профессионально. *Интересно, откуда у него это?*

Из моих мыслей меня выбивает вибрация в заднем кармане штанов, достаю телефон, а, увидев высветившееся имя на экране, сразу провожу пальцем по дисплею, прониная вызов.

Тишина... Неторопливое дыхание пробивается на линию.

— Как ты...? – начинаю я и я сразу же запинаясь, потому что не знаю, как правильно войти в этот разговор, который

изначально не знает хорошего завершения.

— Сама как думаешь? — усталость и разочарование в голосе читается слишком очевидно.

Я сжимаю телефон сильнее, будто бы это должно мне помочь.

— Понимаю, что тебе сейчас тяжело, но...

— Нет, не понимаешь, — перебивает меня Доминик, а его тон оставляет неприятный осадок в горле.

— Где ты сейчас? — делаю пару шагов к выходу, толкаю дверь плечом, выходя на свежий воздух, которым заполняю лёгкие до предела.

— Мы едем в автобусе домой.

— Почему ты уехал? Мы собирались провести время вместе, независимо от того, как сложится игра. Мы это обсуждали.

— Я не хочу видеться.

— Мне жаль, что вы проиграли, — горько выдыхаю, стараясь успокоить саму себя, потому что шестое чувство подсказывает, что ни к чему хорошему наш диалог не ведёт. — Вы были лучше и это факт, просто, к сожалению, удача была не на вашей стороне.

— Дело не в этом... — тише произносит Хашманд. — Я устал.

— Я могу взять билет и приехать домой в ближайшее время. Сходим на наше любимое озеро.

— Я устал от нас. Мне нужно побыть одному.

Меня будто бы окатили холодной водной, а из лёгких выбили весь кислород. Эта фраза не сразу доходит до моего сознания, но, когда это происходит, мне становится тошно. Больше всего меня раздражает спокойствие в его голосе, ему даже не жаль, ему просто плевать, и он этого не скрывает.

— Ты на полном серьёзе хочешь расстаться по телефону?
— вырывается быстрее, чем я успеваю это остановить.

— Не вижу смысла тянуть.

Я коротко усмехаюсь, но не потому, что мне весело, а потому что я не нахожу другой реакции. Мне больно, по-человечески больно. Ощущение в груди тупое и вязкое. Столько лет тратить на человека, который при первых же серьёзных проблемах просто уходит в себя, зарывает голову в песок и не находит в себе смелости сказать всё в лицо.

Сглатываю, чувствуя, как горло неприятно сжимается, и заставляю себя держаться прямо, делая вид, что это как-то помогает не развалиться окончательно. Мне ничего не помогает.

И нет, я уже не делаю поблажку на его моральное состояние, бросить человека по телефону — его осознанный выбор, который Доминик принял сам.

— Замечательно, скажешь, что «дело не в тебе, дело во мне»? Чтобы максимально добавить клише в нашу историю?

— Я не обязан тебя успокаивать.

Вот и всё.

— Да пошёл ты.

Сбрасываю вызов, убирая мобильник куда подальше, чтобы никак не взаимодействовать с внешним миром. Улица постепенно пустеет, когда все болельщики расходятся, а город сразу приобретает свой привычный облик. Солнце медленно опускается к горизонту, оставляя приятные, теплые краски на небе.

Я даже не могу сразу понять, что испытываю. Это не одна эмоция, это целый комок, который с каждой секундой разрастается, поглощая меня за собой. Мы встречались 4 года, а знакомы всю жизнь, потому что наши родители друзья и партнёры по бизнесу.

Всегда глубоко в сознании сидела мысль, что всё было переплетено гораздо раньше, чем мы осознали фразу «быть вместе».

Наши отношения не были идеальными, в них было много хорошего и плохого, мы заботились, поддерживали друг друга. Не было какого-то одного момента, которым можно было бы назвать началом конца. Всё происходило постепенно: хорошие дни сменялись усталостью, поддержка — молчанием, а расстояние между нами, которое появилось в последний год, будто тихо раздвигало нас в разные стороны, не спрашивая разрешения.

Начиналось всё красиво, а закончилось...мягко говоря скверно, *или это не конец?*

Глава 2. Да или нет?

Райдер

Я продолжаю смотреть в след девушке, которая даже не назвала своего имени. Это был интересный опыт общения с журналисткой, которая всячески пыталась залезть мне под кожу. В моменте я даже поддался, но ненадолго. Честно признаться мне понравилось, и с её критикой я могу немного согласиться, но не полностью, как вероятно она ожидала. Её вопросы отличались от тех, что я получаю чуть ли не каждую неделю, они были направлены на саму игру, на ключевые моменты, с хорошим анализом.

Она была предвзята. Слишком. Но было увлекательно.

Мои ребята снова напоминают о себе, когда из раздевалки доносятся новые крики и оглушающий звук новой песни. Возможно, что мы могли сыграть сегодня ещё лучше и закрыть счет гораздо раньше, но сложилось, как сложилось. Победителей не судят, ведь так?

Возвращаюсь в комнату, где находятся товарищи, мои глаза немного расширяются, потому что здесь творится полнейшая вакханалия. Арон Рассел держит огромную колон-

ку над головой, Джош Андерсон наклоняется ниже, хлопая в ладоши прямо в такт, подбадривая присутствующих, а Кэстиэль Бронте танцует на столе, стоящем в самой середине, полностью отдаваясь музыке.

Предмет мебели потребуется заменить, потому что он уже ходит ходуном.

Все остальные поддерживают их авантюру, крича известные строчки композиции. Последний раз я видел их такими счастливыми год назад, когда мы с последнего места поднялись в турнирной таблице и вышли в плэй-офф.

— Райдер! — лучший друг замечает меня сразу, он улыбается, а после спрыгивает со стола.

Бронте всё ещё движется в танце, а затем подключает руки, в которых держит воображаемый канат, начиная притягивать меня к себе, решая, включить меня во всю эту танцевальную лихорадку — не люблю этот сериал. Что ж, маску спокойствия и серьезности пора скидывать, мои губы ползут в улыбке, и я двигаюсь к нему навстречу, раскачивая телом. Парни взрываются охотно — у нас с Касом эта фишка с первого курса при выигрыше. Когда мы подходим в плотную, то сталкиваемся лбами, пытаюсь оттолкнуть друг друга назад, но сделом раскидываем руки и обнимаемся.

— Парни-и-и, — тянет Люк Грэй — первокурсник, с которым мы играем первый год. Он буквально врежется в нас плечом, закидывая руки мне на шею. — Что мы сотворили сегодня?

Я хмыкаю про себя, проводя языком по внутренней стороне щеки. Мы выиграли, но это не та игра, которой я доволен. Но на вопросы девушки я отвечал иначе, по-другому никак.

— Чёртову историю! — отвечает Кастиэль, демонстративно поднимая голос, и снова забирается на край стола.

Они считают иначе, и я их за это не осуждаю.

— Историю он сотворил, — усмехаюсь я, хватая бутылку с водой, откручивая крышку одним движением. Прохладная жидкость стекает по горлу, и я делаю несколько жадных глотков. — Ты почти сотворил себе перелом, когда пытался уложить Рэйфа с одного удара.

И это ещё мягко сказано. Я немного злился на друга, ведь попросил его не вестись на провокации и не выводить себя из игры на долгое время. Что мы имели в итоге? Пять минут игрового времени без лучшего нашего защитника. Спасибо, что Рэйфа он прихватил за собой.

— Он сам подставился, — невозмутимо парирует Бронте, размахивая руками. — Это чистая физика. Счет в нашей серии драк по-прежнему 1:1.

— Это чистая удача, — подключается к нашей дискуссии Арон Рассел, лениво хлопая Каса по ноге. — Ты больше промахивался, чем попадал по его лицу и телу.

— Ладно-ладно, — Кастиэль скидывает ладони, сдаваясь, но сразу же его губы охватывает ухмылка. — Признаю, не лучший мой бой, но нас рано разняли, если бы судьи не

вмешались, то, уверяю вас, я бы его повалил.

— Конечно, — фыркает Андерсон, опираясь локтем о шкафчик, качая головой. — В альтернативной вселенной. Рэнделл — сумасшедший.

Мы частенько подбадриваем его таким образом, нет сомнений, что Кас отлично дерётся, и всегда готов защитить любого из нас, если соперники плохо себя ведут. И я люблю хоккей за то, что здесь разрешено выпустить пар, но против драк и удалений в решающих матчах. Слишком многое стоит на кону, чтобы из-за своих эмоций подставлять всю команду.

— Кстати, вы знали, что Рэйф заблокировал его во всех социальных сетях? — произношу я, приоткрываю небольшую завесу тайны, параллельно делая ещё один глоток воды.

Наблюдаю, как реакция расходится по коморке. На секунду повисает пауза, а потом парни взрываются: кто-то хлопает по шкафчикам, Арон и Джош свистят, а бедный Грэй складывается в пополам от смеха.

— Это произошло совсем недавно! — возмущается Бронте, стараясь перекричать шум. — Он не понимает юмора, а я всего лишь отметил его в сторис.

— Ты выложил замедленный момент, где он чуть ли не падает, — Джош тыкает в него пальцем, едва сдерживая смешки.

— Это был анализ движения, — Кас продолжает сохранять уверенность в своей правоте. Он скрещивает руки на груди, делая максимально серьёзное выражение лица.

Это не помогает. Вообще. К слову, работает против него, потому что парней добивает ещё сильнее.

— С подписью «боец года»? — проговариваю, приподнимая брови.

— Я лишь подчеркнул детали.

— И ты ещё удивлялся, как он посмел тебя заблокировать? — меня прорывает на смех, и в этот раз не старюсь быть серьёзным.

Их «война» с Рэйфом длится уже несколько лет, и со стороны это больше похоже на затянувшийся цирк, чем на реальный конфликт. Они находят повод зацепить друг друга везде: на льду, после матчей, в коридорах и, конечно, в соцсетях, где Кастиэль чувствует себя особенно уверенно. Иногда кажется, что им даже не нужно пересекаться — достаточно одного момента, чтобы это переросло в очередную «историю». Кас делает это громко и с размахом, Рэйф реже, но так, что эффект держится дольше. И самое забавное — оба получают от этого удовольствие, даже если никогда в этом не признаются.

— Да какого хрена? Ты вообще на чьей стороне? — Бронте наклоняется ко мне, щурясь.

— На льду я всегда на твоей стороне, здесь — не надеюсь, — спокойно отвечаю я, расплываясь в самой доброжелательной улыбке, а затем взъерошиваю его волосы.

Хотя, если честно, иногда мне хочется прибить его на льду.

— Райдер, а когда ты последний раз бросал перчатки?

— Ну не начинай только эту тему, — выдыхаю я, закатывая глаза. Это невыносимо.

— Ты когда-то дрался? — Грэй резко выпрямляется, зрачки у него расширяются так, будто я только что сознался в преступлении. — Вау.

— Ты многого не знаешь о нашем капитане, друг мой юный, — хлопает его по плечу Андерсон, подмигивая мне. — На первом курсе он частенько ввязывался в перепалки.

— Я был молодым и горячим.

— Разве сейчас что-то изменилось? — ухмыляется Кастиэль, закидывая правую руку на моё плечо.

— Да, сейчас я могу подраться в самом редком случае, — начинаю я, проводя ладонью по влажным волосам. — И только если мне бросит вызов капитан другой команды, или их лучший игрок по статистике. Потому что забирать в штрафной бокс того, кто никак не влияет на команду, а лишь избивает других — я не собираюсь. Должен быть равноценный урон.

Я делаю паузу. Удивительно, но все почему-то внимательно меня слушают. Видимо им очень хочется посмотреть на меня в драке. Снова.

— Вот, допустим, если бы сегодня Доминик сбросил перчатки против меня, то, я бы ввязался. Без вариантов.

— Но этого мы никогда уже не узнаем, потому что эти грёбанные «Тауны» покинули нас официально. В букваль-

ном смысле мы их сегодня стёрли в порошок, — добавляет Кастиэль, а по раздевалке проходит одобрительная волна.

Звучит громко. И это не совсем правда.

— Это не так, мы могли их сильнее разгромить, — подмечаю мелкую деталь, хотя с их реакцией на новость о расформировании команды Чарлстауна — я тоже не согласен. Это ужасно, в их команде были первоклассные игроки.

— Они начали сдаваться в третьем периоде. Вот та борьба у борта... — замечает Рассел.

— Ты называешь это борьбой? — возмущенно спрашивает Андерсон. — Я чуть не умер.

Кастиэль хлопает в ладоши, переключая всё внимание на себя, и кто-то из ребят делает музыку потише, а следом произносит:

— Так, ребятки, мы можем бесконечно обсуждать эту игру, но я предлагаю, наконец-то переодеться, и отправиться в наше уютное логово на вечеринку. Нас там уже все ждут.

Честно говоря, единственное, чего мне сейчас хочется — это тишины. Закрывать за собой дверь, скинуть вещи куда-то в угол и просто упасть на кровать, не думая ни о счёте, ни о следующем сезоне, ни о том, сколько сил мы оставили на льду за последние недели. Тело ноет, усталость наваливается резко, как только адреналин начинает отпускать.

Но я смотрю на своих друзей — на их идиотские шутки, на Каса, который всё ещё не может стоять на месте. И я не могу реализовать то, чего хочу на самом деле.

Исчезнуть сейчас — худшая идея.

Я выдыхаю, проводя рукой по волосам, и ловлю себя на мысли, что иногда быть капитаном — это не про статистику, не про пламенные речи в начале игры или в перерывах. Это про то, чтобы остаться рядом со своей командой, даже когда больше всего хочется уйти.

Сегодня именно такой день.

Вечеринка в нашем доме, который мы снимаем, в самом разгаре. Кажется, что здесь не осталось ни одного тихого уголка, потому что люди заполнили всё пространство, от гостиной до кухни, от лестницы до наших спален. Громкая музыка бьет по вискам, воздух пропитан алкоголем, дымом от сигарет, смешанных со сладкими духами, от которых становится тяжелее дышать.

Красный неон разливается по помещению, заливая стены, лица, которые уже сложно было отличить, если только не подойти в плотную. Кто-то танцует прямо на диване, другие заняли стол и барную стойку, отдаваясь моменту.

Я стою у стены, оперившись на неё, чтобы хоть как-то охладить себя, но это не помогает, воздух настолько горячий, что неприятно прилипает к коже. В правой руке у меня банка с пивом — по-моему это уже четвёртая — а слева от меня стоит девушка, на которую я лениво закинул руку. Миниа-

тюрная блондинка, скорее всего второкурсница, но я этим не интересовался, сразу же наградила меня своей компанией, и не возражаю, если так и будет продолжаться.

Хороший секс будет отличным завершением вечера.

Мои остальные товарищи окружили себя несколькими девушками, получая от них огромную дозу внимания, телесных контактов и внезапных поцелуев. С Кастиэля уже кто-то стянул футболку, и судя по его довольной физиономии, он этому поспособствовал. Друг в самом центре внимания, с его лица не спадает ухмылка, пока он медленно качается под песню, вытянув руки вверх. Тёмные волосы растрёпаны, выгоревшие пряди на концах создают большой контраст внешности, а оливковый цвет кожи на фоне неона выглядит ещё выигрышнее.

Ничего нового не происходит.

Большая часть нашей команды занимает кухню, и мы переговариваемся друг с другом время от времени.

— Кстати, наша главная фанатка опубликовала пост об игре? — затевает новую тему для разговоров Арон, отпивая очередную порцию виски из бутылки. — Я бы почитал.

— А я всё думал, что мы забыли? — добавляю я, отходя от моей пассивности, которая явно недовольна моим решением, двигаясь ближе к центру, где мы собираемся в круг. — Мне необходима порция желчи.

— Общего резюме ещё нет, но она писала комментарии во время игры, — Андерсон уже успел открыть приложение

и найти аккаунт «@missL».

Мы все в предвкушении и ждём, когда начнется наш любимый аттракцион. Забавно, но плохие комментарии всегда читать интереснее, чем хвалебные. Меня это безумно заводит — в хорошем смысле.

«Нет, это невыносимо. Судья, если ты моргнёшь два раза — мы поймём, что тебя держат в заложниках, и ты не можешь свистнуть в сторону Бостона»

Если твоя команда проигрывает, то виноваты судьи. Логика любого болельщика.

«Ну конечно. Дайте Бостону большинство — и они сразу вспоминают, что умеют играть. До этого они были похожи на Бемби, который впервые ступил на лёд»

Я уже не выдерживаю, закатываю глаза и делаю продолжительный выдох.

Хороший мульттик, но ты же хотела сказать, что мы похожи на оленей на льду, договаривай уже.

«Ренделл и Бронте дерутся. Проверьте пульс у второго, ему явно хорошо прилетело»

Спасибо, что сказала.

«Райдеру бы чуть меньше самоуверенности и чуть больше реального результата, но это, видимо, вещи не совместимые»

Да, я уже понял, ты мной очень сильно заинтересована и одержима, можем даже сходить на свидание, ты только появишься.

«Кастизель Бронте – живое доказательство того, что шлем не защищает от глупых решений с шайбой»

Вот откуда она берет все эти моменты?

«Рэйф не просто выигрывает силовую борьбу — он объясняет соперникам, почему им лучше было остаться дома»

Ладно, признаю, это смешно.

«Доминик делает один проход – и ты понимаешь, почему он лидер и капитан. Райдер делает три – и всё равно ни к чему не приходит»

Интересно, она считает сколько раз я появляюсь на поле за один период? Думаю, что да.

«Эта игра — идеальный пример того, как потерять нервы, веру в справедливость и уважение к судейству за 60 минут»

Хорошее описание, мне даже нравится. Надо было добавить, что наши спонсоры купили арбитров, мы же по-другому никогда не выиграем.

— Я прочитал те, что собрали больше всего лайков, — завершает Джош, откладывая телефон в сторону. — У нас настолько много ненавистников?

— Зависть — плохое чувство, флаг им в руки, — подключается Кастизель. — Интересно, что она сейчас будет делать, если её любимую команду расформировали?

— Может она официально признается, что всё это время болела именно за нас? — резюмирую, пожимая плечами, хотя понимаю, что это никогда не случится.

— Мне жаль Чарлстаун, — подаёт голос Грэй, и все переводят на него непонимающие взгляды. — Представьте, что они сейчас чувствуют.

— Мне что сделать?! — резко вскрикивает Кастиэль, громко поставив стеклянную бутылку на стол. — Давайте все вместе снимем видео, где выражаем им сочувствие? Или может позовём их сюда, чтобы они не расстраивались? Давайте их пожалеем, приласкаем, обнимем, поцелуем в лоб, в зад и скажем, что жизнь дерьмо. Чего ты добиваешься?

Его понесло... Удивлён ли я? Нет.

— Я всего лишь озвучил то, что думаю, Кас... — виновато, притупив взгляд, отвечает Грэй. — Зачем ты так реагируешь?

— Меня просто бесит, что каждый второй об этом говорит, как будто мы виноваты в этом. Их колледж разорился, и мы к этому не имеем никакого отношения. Зачем мы вообще об этом разговариваем, когда должны праздновать, чёрт возьми, нашу победу!

— Кас, угомонись! — теперь голос повышаю я, и мой друг переключает своё внимание в мою сторону, удивленно приподнимая брови. — Никто никого не обвиняет, прекрати на него орать. Факт остается фактом, с ними поступили несправедливо, и если бы с нами произошло тоже самое, то мы были бы разбиты. Всё. Это единственное, что имел в виду Грэй.

Первокурсник поднимает на меня глаза, и в них читается огромная надежда и благодарность.

— Так я это не отрицаю! — нервно вскидывает руками Бронте. — Грэй, без обид.

— Всё в порядке, — выдавливая улыбку, отвечает парень. Он врёт, и это слишком очевидно.

Тянусь к банке с пивом, прикладывая жестяную окантовку к губам, понимая, что там пусто. Чёрт. Оглядываюсь по сторонам в поисках новой порции, замечаю несколько штук на баре и направляюсь туда, стараясь пройти сквозь толпу пьяных студентов. Подойдя ближе, хватаю стеклянную бутылку, открывая ее об край стола, а после делаю несколько жадных глотков.

Я поклоняюсь человеку, который однажды изобрёл пиво. Гений. Жаль, что не знаю, кому ставить свечку.

Перевожу взгляд в левую сторону, замечая, что со мной стоит девушка, которая всем своим видом показывает, что находится не здесь. Немного прищуриваюсь и понимаю, что эта фигура мне знакома.

Та самая девушка, чьё имя я не знаю.

Брюнетка с гладкими, волнистыми волосами, которые свободно лежат на плечах и двигаются при каждом её действии. У неё аккуратные черты лица: яркие карие глаза, небольшой, вздёрнутый нос и пухлые губы, подчёркнутые карандашом, из-за чего они выглядят ещё выразительнее. Она одета достаточно просто: джинсы клёш, плотно сидящие по фигуре и подчёркивающие бёдра, ботинки на шпильке, скрытые под тканью, из-за чего силуэт кажется вытянутым.

У неё средний рост, но я достаточно выше, чем она. Сверху обтягивающий топ молочного цвета, демонстрирующий красивое декольте.

На мгновение ей приходится перевести на меня взгляд и что-то в нём меняется, но не в хорошую сторону. Она не рада меня видеть.

— Не судьба, так ты вроде говорила? — я склоняюсь ближе к её уху, дабы перекрыть музыку, специально тревожа пространство вокруг неё.

Замечаю, как плечо девушки едва заметно дергается на звук моего голоса. Она медленно оборачивается, лицо у неё такое, словно я только что испортил ей вечер.

А я ещё ничего не сделал и даже не пытался.

— Честное слово, мне сейчас не до тебя, — она закатывает глаза, но не уходит, затем тянется к своему красному стаканчику, отпивая какую-то жидкость.

— Ты плохо выглядишь, — прямо подмечаю, не отводя своего взгляда.

— Спасибо, это именно то, что я хотела услышать, — недовольно добавляет брюнетка, чуть сильнее сжимая пальцы на правой руке.

— Я не про внешность, — качаю головой. — Что-то случилось?

Она выдыхает, проводит рукой по волосам, отбрасывая их назад, открывая вид на привлекающий вырез.

— Нет, — коротко и резко отвечает. — И тебя это не ка-

сается.

— Просто твоё выражение лица буквально кричит о том, что у тебя какие-то проблемы.

Девушка недовольна моей репликой, она смотрит на меня уже открыто и не скрывает своего раздражения. Брови чуть приподнимаются, губы сжимаются сильнее.

— В чём проблема не обращать на меня внимание?

Я на секунду задерживаю на ней взор, делаю глоток пива, игнорируя сам вопрос.

— Как тебя зовут?

— Ты издеваешься? — брюнетка усмехается, медленно склоняя голову набок, разглядывая меня так, будто я только что сказал что-то максимально глупое.

— Нет, мне правда интересно узнать твоё имя, или это тайна?

— Зачем?

И в правду, нахрена мне это надо?

— Это простая этика, ты же знаешь моё имя.

— С чего ты это взял?

— Пожалуй, это очевидно.

— Тогда встречный вопрос. Почему тебя называют Райдер, если это не твоё имя? — она прищуривается, и в этом взгляде снова появляется тот самый интерес, который был на интервью.

— *Ты уходишь от ответа?* – копирую её вопрос, что она задала мне несколькими часами ранее, это вызывает её

улыбку, которую она пытается скрыть, делая глоток алкоголя, прикрывая губы.

Я всё видел, можешь не прятаться.

— На самом деле, мне без разницы, как ко мне обращаются, просто моя фамилия нравится мне больше, чем имя.

Она делает паузу. Смотрит прямо, уже не избегая взгляда. Это потепление?

— Хорошо, тогда называй меня Блэйк.

— Это имя или фамилия?

— Фамилия.

— Имя ты принципиально говорить не хочешь, я понял, — меня это уже забавляет. — Оно ужасное и некрасивое? Давай я попробую угадать?

— Мы с тобой говорим всего ничего, а ты меня уже раздражаешь.

— Да ладно, а я думал, что произвел хорошее впечатление на интервью.

— Произвел, — сейчас Блэйк выдавливает из себя улыбку, а затем быстро убирает её. — Но точно не хорошее.

— Значит, запомнился.

Музыка на секунду сменяется, свет дергается, и красный неон ложится на её лицо чуть иначе, подчёркивая линию скул и губ. Я задерживаю на ней внимание дольше, чем нужно, сам того не замечая.

Она смеётся. Смех короткий, чуть с хрипотцой, будто вырвался сам по себе, и она не до конца контролировала этот

момент.

— Ладно, признаю, это сейчас было очень хорошо.

— А я даже не старался.

— Ты всегда такой?

— Какой?

— Самоуверенный.

— Однажды мне сказали, что, если ты не уверен в себе и в своих действиях, то тебе нечего делать в профессиональном спорте. Стараюсь поддерживать имидж.

Она замолкает, и ничего больше не говорит. Её взгляд с каждой секундой потухает. Но несколькими мгновениями ранее, Блэйк немного позволила себе отпустить ситуацию. У неё явно что-то произошло, но она не планирует со мной делиться. Я не собираюсь её допытывать — это не моё дело. Хотя, меня это интригует.

— Давай так, — снова обращаюсь к ней, ладонью касаясь её предплечья. Блэйк вздрагивает, наверное, от неожиданности. — Ты не обязана ничего рассказывать, если не хочешь, а я могу перестать делать вид, что меня это интересует.

— И что ты предлагаешь?

Смотрю в сторону открытой полки, где стоит небольшой ассортимент алкоголя, хватаю бутылку с прозрачной жидкостью вместе с рюмками.

— Текила — решение всех проблем.

— По-моему, она только и может создать новые.

— В этом и суть, ты забудешь о старых.

Я наполняю два шота и протягиваю ей один. Блэйк хмурится, но обхватывает пальчиками стекло. Возможно, что ей не нравится эта идея, но она на неё ведётся.

— За что пьём? — спрашивает она, обернувшись уже корпусом в мою сторону.

Это прогресс.

— За победу нашей команды, — улыбаюсь во все зубы, потому что это действительно повод, а также я знаю, что она не рада этому предложению.

— Тогда не чокаемся.

На секунду зависаю, глядя на неё, а потом тихо выдыхаю смешок, качая головой. Уголок губ сам тянется вверх — не столько из-за шутки, сколько из-за неё самой. Она не пытается подыграть, не делает вид, что ей приятно — и в этом есть что-то цепляющее.

Я всё равно поднимаю шот, чуть задерживая его в воздухе, давая ей последний шанс передумать, но она остаётся при своём. Я хотя бы попытался.

Подношу рюмку к губам, на секунду задерживая её у лица. Запах бьёт сразу — резкий и горький. Запрокидываю голову, жидкость обжигает горло, скользит вниз слишком быстро, оставляя за собой горячий след, который расползается по груди.

— За что ты так ненавидишь «Бостон»?

— Кто сказал, что я вас ненавижу?

— Мне так показалось.

Блэйк делает шаг чуть ближе, опираясь бедром о край стола, и теперь между нами почти не остаётся пространства. Неосознанно прикусываю нижнюю губу.

— Вот именно, тебе показалось, я учусь здесь, и часто хожу на игры. Или ты считаешь, что нельзя критиковать команду, которая тебе нравится?

— Я люблю критику, если она обоснована, а не предвзята.

— Хорошо, мы сейчас без диктофона, клянусь, — она выставляет передо мной две руки, подтверждая свои слова. — Ты правда не согласен с моими комментариями, капитан?

Последнее слово звучит чуть мягче, чем должно по её мнению, и я это улавливаю.

— Согласен, но не со всеми.

— Ты сейчас серьезно? — в глазах читается удивление, она не ожидала такого ответа от меня.

— Да, мне понравились твои вопросы, потому что ты не пыталась задавать их правильно, ты преподносила их через своё собственное мнение. Но разница в том, что мы видим картинку иначе. Ты смотришь с трибуны, я изнутри. Мы по разные стороны.

Пока говорю, не теряю с ней зрительного контакта, наблюдая, как она реагирует: слушает внимательно, без привычной иронии, которая была раньше, и это немного выбивает из колеи.

— Возможно.

— Ты неплохо разбираешься в хоккее.

Девушка поднимает на меня взгляд почти сразу, и в нём мелькает что-то живое. Возможно интерес, может быть даже удивление.

— Это комплимент в мою сторону? — на её губах появляется лёгкая тень улыбки, но она не даёт ей полностью проявиться.

— Констатация факта, — пожимаю плечами, фокусируя своё внимание на новой знакомой. — У тебя красивые глаза — вот это комплимент.

Мы пересекаемся глазами, оба не собираемся останавливаться. Музыка всё так же гремит где-то за спиной, люди двигаются, смеются, толкаются, но это уходит на второй план. Блэйк смущается, и первая отворачивается.

— Ты пьян.

— Ты тоже.

— Это многое объясняет.

— Например?

Я чуть склоняюсь к ней, сокращая расстояние, и теперь мне не нужно повышать голос, чтобы она меня услышала.

Блэйк поднимает на меня томный взгляд.

— Почему я всё ещё разговариваю с тобой.

Наклоняюсь ещё ближе, почти касаясь её пространства, намеренно проверяя границу, которую она так старается держать.

— А должна была уйти?

Она не отстраняется.

— Да.

— И что же тебе мешает?

Вопрос повисает в воздухе. Её взгляд на секунду теряется, скользит в сторону, она вдруг вспоминает что-то, что не имеет ко мне никакого отношения. Пальцы сжимают рюмку сильнее, чем раньше, дыхание становится чуть неровным. Она отводит глаза, и в этом движении уже нет игры.

Мне кажется, Блэйк понимает, что вообще не должна здесь находиться. И это впервые, когда она не знает, что ответить.

— У меня сегодня вышел ужасный день, — голос звучит тише, чем раньше.

— Тебе его кто-то испортил? — я смотрю на неё внимательнее.

— Люди иногда разочаровывают — даже сильнее, чем ожидаешь.

— Согласен, но мы не можем на это повлиять.

Мы пьем дальше, уже без слов. Музыка снова врывается в голову, но теперь она будто глуше, тяжелее. Алкоголь начинает делать своё дело — мысли замедляются, движения становятся менее точными. Я перестаю считать, сколько мы выпили.

— Ты вообще... — первая нарушает затянувшееся молчание, но резко обрывается.

— Что?

— Неважно.

Она хватает новую бутылку текилы, открывает ее, и делает глоток прямо с горлышка.

— Ты уверена, что тебе это нужно?

Честно говоря, меня уже самого ведет от выпитого алкоголя. Голова становится тяжелой, а движения притупляются, и мне нужно больше времени, чтобы сфокусироваться на деталях.

— Я уже ни в чём не уверена.

Ладно. Я поддерживаю её затею и выхватываю бутылку. Жидкость ранее обжигала горло, сейчас я уже этого не чувствую. Это плохой знак и нужно тормозить.

Она пытается встать с высокого барного стула, опирается ладонью о стойку, второй нащупывает опору сбоку. Движение выходит неровным, Блэйк на секунду теряет баланс, и я автоматически подхватываю её за талию. Ладонь ложится на ткань топа, чувствую, как девушка резко замирает от контакта, потом выравнивается, аккуратно отстраняясь.

— Ты можешь показать мне, где здесь ванная? — она смотрит на меня снизу вверх и медленно моргает.

— Пошли.

Я мягко беру её за руку, пальцы сжимаются вокруг её запястья не сильно, просто чтобы не потеряться в толпе. Вокруг нас люди двигаются плотной стеной, она идёт чуть ближе ко мне, потому что иначе её кто-нибудь собьет с ног.

Когда мы подходим к ванной комнате, Блэйк отпускает мою ладонь, скрываясь за белой дверью. Я остаюсь ждать

снаружи. Почему? Сам не знаю.

Мне кажется, что время тянется слишком долго, и я уже успеваю пересчитать всех овец в своей голове. Комната резко открывается, из неё выходит Блэйк, придерживаясь рукой за косяк. Волосы взъерошенные, а губы поблескивают от влаги.

— Всё нормально? — спрашиваю я, пропуская ее вперед.

— Да.

Мы делаем шаг в сторону коридора, и в этот момент рядом с нами проходит группа людей. Кто-то задевает её плечо, потом ещё один толчок уже сильнее, и этого хватает, чтобы девушку повело в сторону. Я реагирую раньше, чем успеваю подумать, и прижимаю её к стене, закрывая собой от проходящей толпы. Движение выходит резким, больше инстинктивным.

Она замирает сразу.

Напряжение между нами нарастает с каждой секундой от нашей позы, вижу, как Блэйк сглатывает тягучую слюну, не сводя от меня взгляда. Это хуже любого сопротивления, потому что в нём нет ни просьбы остановиться, ни согласия продолжать. У меня кружится голова — это из-за алкоголя, и я не контролирую себя. Мои глаза падают на пухлые губы, которые немного приоткрыты. Наклоняюсь ближе, медленно, без резкости, просто сокращая расстояние, которое уже и так нас покинуло, ожидая, что она меня оттолкнет, но девушка не шевелится, будто боится сделать лишнее движение.

Поцелуй сначала выходит осторожным, я сам проверяю

границу и оставляю ей возможность в любой момент просто уйти. Она не отвечает сразу, остаётся неподвижной, как будто взвешивает все «за» и «против». Спустя мгновение, она выдыхает воздух в мои губы, принимая ситуацию, её пальцы находят ткань моей футболки и сжимаются чуть сильнее. Это простое движение сразу меняет ритм между нами, потому что я чувствую, как она перестаёт держаться на расстоянии и отвечает на мои прикосновения, когда я скольжу руками по её фигуре, а Блэйк в ответ выгибается.

Девушка резко отстраняется, выставляя руки вперед, опираясь о мою грудную клетку.

— Подожди... — Блэйк старается восстановить дыхание, пряча от меня взгляд, но я перехватываю её подбородок, возвращая зрительный контакт. — Я не... Это плохая идея.

— Ага, — я прикусываю нижнюю губу, а большим пальцем провожу по её бархатистой коже щеки. — Хочешь остановиться?

Блэйк бегаёт глазами по моему лицу, затем прикрывает веки, погружаясь в себя. Опять.

Ей что-то мешает, может быть совесть или моральные принципы. Возможно всё сразу, я не знаю.

— Да или нет? — немного давлю на неё, чтобы побыстрее получить ответ.

Девушка возвращается ко мне из своих мыслей и что-то в её глазах меняется. Она приняла решение, только я не понимаю какое.

Блэйк запускает ладонь в мои волосы, сжимает пряди, а затем тянет на себя, и я накрываю своими губами её, победно улыбаясь.

Я воспринимаю это, как положительный ответ, мы снова целуемся — уже без осторожности, что была сначала. Движения губ становятся резче, быстрее, грубее, и мы оба слетаем с тормозов. Ладонь скользит по её талии, выше, к спине, притягивая ближе, будто этого расстояния всё ещё слишком много.

После этого момента моё сознание предательски начинает отключаться.

Я не помню, как мы оказываемся в коридоре. Или это уже лестница. Пространство будто складывается само по себе: шаг, поворот, чей-то голос, восторженные возгласы и звук вспышки камеры. Я почти не соображаю, куда веду её. Просто знаю, что нужно уйти отсюда.

Дверь моей комнаты захлопывается громко с отчетливым звуком, а следом запираю её на замок. В помещении тише, из-за чего я могу слышать звук её сердца и сбившееся дыхание.

Мы двигаемся неаккуратно, сбиваясь, цепляясь за одежду друг друга. Футболка оказывается где-то на полу. Потом её топ. Я даже не запоминаю момент, когда это происходит.

В следующее мгновение мы оказываемся на кровати, она забирается ко мне на колени, не разрывая поцелуя, а следом сползает губами к моей шее, покусывая кожу.

Я возбужден, очень сильно, и мой член врезается в ширинку джинс.

Моё сознание периодически выскальзывает из моего тела. Я опускаюсь ниже, губами касаясь её шеи, ключиц, ловя сбившееся дыхание, которое она уже не пытается скрыть.

Блэйк больше не сдерживается. Я чувс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.